

УДК 821.161.1

ГРНТИ 17.01.07

DOI 10.35231/25419803\_2021\_2\_6

*В. А. Будучев*

## **Репрезентации буржуазной публичной сферы в прозе Пушкина**

Согласно концепции Юргена Хабермаса, литература играет важнейшую роль в формировании публичной сферы буржуазного общества на европейском пространстве. Автор настаивает на универсальности динамики становления публичного пространства, связанного с переходом от аристократического к буржуазному обществу. Первоначально аполитичные публичные дискуссии, зарождающиеся в частной сфере и выражаемые в литературе, послужили отправной точкой для последующего формирования публичного пространства.

Так, литературная сфера является местом формирования рациональной дискуссии и выражения новых представлений о мире. С этой точки зрения, литература являлась местом формирования и выражения ценностей, свойственных буржуазному обществу, в общеевропейском пространстве. Данная статья рассматривает прозу Александра Сергеевича Пушкина с точки зрения формирования ценностей, свойственных буржуазной публичности. Целью статьи является выявление репрезентации буржуазной частной сферы в произведениях Пушкина.

Ключевые слова: буржуазная публичность, частная сфера, интимность, гуманность, аристократический и буржуазный миры, творчество А. С. Пушкина.

*Vitaly Buduchev*

## **Representations of the Bourgeois Public Sphere in Pushkin's Prose**

Jurgen Habermas asserts that literature plays an essential role in the formation of the bourgeois public sphere in the European' space. The literary sphere is a place which allows development of rational discussions and creation of new ideas about the world.

This article analyses the values of bourgeois publicity in Pushkin's work. The aim of the article is to reveal the representations of the bourgeois private sphere in Pushkin's prose.

Key words: bourgeois publicity, private sphere, intimacy, humanity, aristocratic and bourgeois worlds, Pushkin.

## Введение

Переход от аристократического к буржуазному обществу происходит, как утверждает Юрген Хабермас, за счет формирования частной сферы. Возникновение публичной сферы тесно связано с изменениями экономического устройства, взаимоотношений с властвующими кругами, но также организацией пространства, архитектурой, представлениями о семье, интимной среде, общих репрезентациях, циркулирующих в обществе. Начиная с XVIII века частная сфера консолидируется против государства. Развитие литературы является выразителем осознания общности интересов рождающейся буржуазии, которая осознает необходимость создания границ между частной сферой и государством. Если аристократическая публичная сфера, формирующаяся «при дворе», базируется на ценностях чести и служения монарху, буржуазное общество стремится отдалиться от двора посредством создания пространства дискуссии «в городе» [13, с. 40]. Базовой ценностью последней становится необходимость рациональной дискуссии, осуществляемой частными лицами в защищенном от государства частном пространстве. Первоначально, частная сфера внеполитична, но именно во внеполитичной рациональной дискуссии частных субъектов, обладающих субъективностью, и таится политическая значимость. Литература, через ее способность организации дискуссии, становится важнейшим инструментом создания частной публичной сферы, основанной на рациональной дискуссии.

Как объясняет Хабермас, публика первоначально формируется в сфере семейной интимности. Позже, в соответствии с уже устоявшимся принципом публичности в частной сфере, публичная сфера начинает открыто претендовать на политическую роль в пространстве конфронтации общества и государства. В частной сфере прежде всего формируется аполитичное публичное мнение, которое постепенно превращается в пространство политической дискуссии и публичной критики в адрес государственной власти. Литература находится в центре данного процесса формирования и политизации буржуазной публичной сферы. Определенно публичный характер литературы, с одной стороны, делает ее инструментом формирования социально-политических преобразований. При этом, литературные произведения являются для нас источником, зафиксировавшим эволюцию репрезентаций и социально значимых представлений. Данная роль литературы делает крайне интересным рассмотрение прозы Пушкина под углом теории Хабермаса.

### Пушкин – хабермасовский литератор

Хабермас не писал ни о творчестве Пушкина, ни о России. Кроме того, первым русским писателем, творящим в пространстве буржуазной публичности, был не Пушкин, а Карамзин. Как отмечал Б. И. Бурсов, «[п]убличность –

это необходимейшее качество литературы <...>. Карамзин достиг определенных успехов в деле создания читающей публики в России. Он достиг этого прежде всего тем, что стал изображать частную жизнь частных людей. Белинский и называет один из периодов в развитии русской литературы карамзинским периодом главным образом потому, что Карамзин придал литературе характер публичности» [4, с. 99–100].

При этом литературная публичность, согласно Хабермасу, является основой критического отношения к власти, что позже и создало демократические принципы разделения властей и невмешательства последних в сферу публичного диалога. Что касается Карамзина, несмотря на то что он привил «свойство публичности русской литературе», с точки зрения политических воззрений, он является представителем консервативной идеологии [10, с. 108].

Пушкин, в свою очередь, несмотря на его приверженность аристократии [2, с. 93] активно выступал с прогрессистских позиций, критиковал власть согласно принципам хабермасовской публичности. Как отмечает Ю. М. Лотман, в понимании Пушкина, «[с]вобода, понимаемая как личная независимость, полнота политических прав, в равной мере нужна и народу, и дворянской интеллигенции, утратившей антинародные феодальные привилегии, но выковавшей в вековой борьбе с самодержавием свободолюбивую традицию. Борьба за уважение деспотом прав дворянина – форма борьбы за права человека. С этих позиций народ и дворянская интеллигенция («старинные дворяне») выступают как естественные союзники в борьбе за свободу. Их противник – самодержавие» [11].

Так, Пушкин публично давал негативную оценку политики Александра I и Николая I [2, с. 2003]. А. В. Гуревич описывал давние связи Пушкина с декабристами, не забывая о том, что благодаря переписке Пушкина со ссылными декабристами родились строки Одоевского, публично уверяющего Пушкина в том, что «[и]з искры разгорится пламя» [8, с. 33]. Любопытно, что Пушкин рассматривался современной ему европейской прессой именно как оппозиционный литератор. М. П. Алексеев отмечал, что французские и английские современники Пушкина говорили о нем «не как об авторе "романтической поэмы" с сюжетом из баснословных времен русской истории, а как о политическом поэте, затронувшем в своих стихах важнейшие вопросы русской общественно-политической жизни» [1, с. 176]. Хочется лишь отметить, что, согласно концепции Хабермаса, политическая поэзия как раз и выражается в романтических поэмах.

Гражданская позиция автора проявляется и в его прозе. П. Дебрецени ссылается на ряд исследователей, согласно которым «Пушкин намеревался

своим романом преподать урок надлежащего управления государством Николаю I» [9, с. 42]. В «Дубровском» Пушкин явно критикует политическую и судебную систему [9, с. 174]. В целом, в творчестве Пушкина явно прослеживается воспевание свободы [9, с. 9–10], несмотря на то что он, как отмечает Л. Я. Гинзбург, «колеблется между пафосом вольнолюбия и политическим разочарованием» [6, с. 283].

Кроме сочетающегося с теорией Хабермаса свободолюбия, Пушкин был поистине европейским писателем и поэтом, способствующим циркуляции идей в общеевропейском пространстве. Исследователи отмечают, что проза Пушкина находится под влиянием европейских писателей, к которым мы можем отнести французских просветителей, Вальтера Скотта, Шекспира, Горация Уолпола, Эрнста Гофмана, Бенжамина Константа, Стендаля, Шодерло де Лакло, Сэмюэля Ричардсона, и т.д. Как объясняет Арман Маттлар, в XIX веке роль проводника универсальных идей играет именно литература, которая становится общим достоянием цивилизации, вне зависимости от национальных границ [14, с. 8]. Пушкин развивался в рамках общеевропейской литературы и непосредственно участвовал в циркуляции общих репрезентаций и представлении их в европейском публичном пространстве. Так, Пушкин является типичным представителем буржуазной литературной сферы, которая проделала путь от описания историй частной любви, семейной интимности и частных аполитичных дискуссий до требований ограничения вмешательства государства в публичную сферу.

### **Выражение частной сферы в прозе Пушкина**

Пушкин пришел к прозе в двадцатых годах XIX века, отвечая на потребность новой, более широкой, публики. Как отмечает Валентин Головин, «случайного у Пушкина не встретишь» [7, с. 123]. Данное утверждение стоит цитировать не только потому, что для Пушкина проза была средством выражения его идей, но и потому что пушкинская проза выражает репрезентации, свойственные литературному и публичному пространству пушкинской России. С этой точки зрения, нас интересует не правдоподобность и ироничность пушкинских историй, не структура и организация пушкинских повестей и романов, а прежде всего выражение публичности буржуазного общества через прозу Пушкина.

### **История любви как политический манифест**

Тема любви, пожалуй, является одним из основных элементов прозы Пушкина. Ее редкое отсутствие, как, например, в «Гробовщике» Белкина,

лишь условно. От профессионального взгляда на мир [9, с. 109], свойственного печальному и угрюмому гробовщику, веет его мрачным ремеслом. Возможно «Гробовщик» – метафора мира без любви, на котором и праздник сопряжен с похоронной процессией. Отсутствие любви явно ассоциируется в «Гробовщике» со смертью. В «Гробовщике» нет частного пространства. Его две дочери играют крайне второстепенную роль. Единственные взаимоотношения гробовщика с дочерьми направлены на повышение продуктивности последних, так как *«[о]н нарушал молчание разве только для того, чтоб журить своих дочерей, когда заставлял их без дела глазующих в окно на прохожих»* [12, с. 42]. Благодарность «клиентов» – единственное, на что может рассчитывать гробовщик. Проблема заключается в том, что благодарность эта не приносит ему радости.

Что касается других произведений Пушкина, истории любви находятся в центре повествования. Даже если в «Станционном смотрителе» и в «Выстреле», на первый субъективный взгляд, Белкин уделяет любви периферийную роль, она все же она занимает важное место. Дуня уезжает с Минским, бросает отца, но, с другой стороны, отъезд из отчего дома позволяет ей создать ее собственное частное пространство. Ценности счастья и любви занимают здесь центральное место. Минский заявляет смотрителю: *«Она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит»* [12, с. 59]. В подтверждение слов Минского, читатель получает возможность самостоятельно убедиться в счастье Дуни в ее частном пространстве: *«В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всей роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы»* [12; с. 60–61]. Запертые двери, которые смотрителю пришлось преодолеть для того, чтоб увидеть дочь, указывают на то, что автор описывает именно частное пространство Дуни и Минского, в котором смотритель не находит места. В «Выстреле» центральным сюжетом так же может быть любовь, а не месть Сильвио. По логике, разделяемой и автором, и повествователем, и персонажами, и публикой, женитьба дала сопернику Сильвио повод дорожить своей жизнью. В то же время, она спасла соперника Сильвио от неминуемой смерти. Согласно данной логике, вероятно, не месть Сильвио (*«Я доволен: я видел твоё смятение, твою робость; я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совести»* [12, с. 24]), а доказательство любви (*«Маша бросилась к его ногам»*) является ключевым моментом повести, который спас жизнь графа и свел на нет долго вынашиваемый план мести Сильвио.

Что касается остальных, менее правдоподобных повестей Белкина – «Метель» и «Барышня-крестьянка», в обеих история любви играет однозначно центральную роль. Анализируя последнюю, В. В. Головин отмечает, что повесть представляет из себя «сгусток сентиментальных формул», в которых Белкин не чувствует времени текста [7, с. 123]. Для того чтобы в лучшей степени символизировать любовь, автор смешивает сезоны, давая признаки лета и даже осени, помещая встречу Алексея и Лизы в весенний сезон. Так, согласно автору, календарная несогласованность говорит о пародийной концентрации сентиментальности: «Пасторальная любовь наиболее созвучна весеннему состоянию природы, таким образом естественные и выдуманные причины встречи Алексея (охота) и Лизы (сбор грибов) он подчиняет времени и настроению сентиментальной встречи» [7, с. 123]. Однако, возможно, данная календарная неразбериха и является символом того, что любовь трансформирует сезоны в весну.

Что касается «Арапа Петра Великого», «Капитанской дочки» и «Дубровского», любовь и интимные отношения героев в частной сфере играют ключевую роль в развитии интриги. Дело здесь вовсе не в сентиментальности и в желании Пушкина включить «женские элементы» [9, с. 99] для привлечения женской публики. Истории любви в литературе XVIII–XIX веков, в понимании Хабермаса, вовсе не являются «женскими элементами», а играют «серьезную» политическую роль. Истории любви ни в коей мере не связаны с гендерными признаками публики пушкинских произведений. Они играют важнейшую роль в развитии представлений о буржуазной интимности.

Согласно Хабермасу, «литература тесно связывает субъективность частного лица с публичностью. В этой ситуации читатель, который ассоциирует себя с литературными героями, повторяет в частной сфере частные взаимоотношения, очерченные литературой. Интимность медиатизируется литературой, а субъективность становится отличительной чертой публики. Частные лица, которые и являются публикой, обсуждают на публике то, что они прочли, и используют таким образом литературу для развития критической мысли и принимают совместное участие в прогрессивном развитии...» [13, с. 60].

Следствием сентиментальности героев романов является осознание автономии частных лиц по отношению к власти, а не слезы в подушку светской барышни. Так, сентиментальность вообще не связана с гендерными признаками читателей. Как отмечает Хабермас, взаимоотношения между автором, произведением и публикой трансформируются в интимные отношения между частными субъектами, рассматриваемые с точки зрения гуманности [13, с. 59]. Именно поэтому гражданская позиция Пушкина тесно связана с сентиментальными сценами, которые он создает для своих героев.

## Пушкинские персонажи в частной сфере

Интрига в пушкинской прозе разворачивается именно в частной сфере. Это выражается не только в том, что персонажи Пушкина наделены субъективными качествами, позволяющими автору раскрывать их в частной сфере, в которой гуманность и искренние чувства играют решающую роль, но и в том, что даже реальные исторические персонажи помещены в сферу частной публичности. С другой стороны, репрезентации верности, привязанности, искренней любви и самопожертвования ради нее, задают позитивные и негативные критерии оценки пушкинских персонажей.

Прежде всего, необходимо отметить, что персонажи Петра I, Пугачева, Екатерины II представлены в виде частных лиц. Описание их в качестве «домашних персонажей» вряд ли соответствуют исторической действительности, несмотря на то, что и написанию «Арапа Петра Великого» и созданию «Капитанской дочки» Пушкиным предшествовало изучение автором реальных исторических контекстов, в которые он поместил персонажи. Ибрагим, прототипом которого является прадед Пушкина – также вымышленный сентиментальный персонаж, который двадцать раз перечитывает письмо покинутой им графини, «с восторгом целуя бесценные строки» [12, с. 326]. Что касается Дубровского, как отмечает П. Дебрецени, его прототипом является реально существовавший помещик, о котором Пушкин узнал из исторических источников [12, с. 160] и которого он наделил способностью простить виновного в смерти его отца во имя любви к его дочери. Схема противостояния мести и любви, с непременным торжеством последней, прослеживается и в «Дубровском», и в «Выстреле» Белкина, что соответствует логике развития частной сферы, в которой интимные чувства более значимы, нежели сведение счетов с противниками.

Выходя за рамки историй частной любви, для нас важно не то, что Пушкин вводит в повествование реально существовавших персонажей, будь то исторические личности Петра I, Екатерины II, Пугачева, его прадеда Ганнибала или малоизвестного помещика Дубровского, а то, что он наделяет их признаками героев, принадлежащих прежде всего к частной сфере. Гринев дарит заячий тулуп субъективно существующему человеку, подчеркивая важность принципа гуманности в человеческих взаимоотношениях. Маша разговаривает не с императрицей, а с реально существующим человеком, которому свойственны человеческие чувства. Императрица и принимает решения помиловать Гринева, потому что она предстает перед Машей и читателем не в качестве государственного деятеля, а в качестве субъективного лица, которому не чужды общечеловеческие чувства. Именно в этой связи В. С. Белькинд отмечает образ «домашней Екатерины» [3, с. 99].

Первое описание Петра не наделяет его качествами царя: «*В углу человек высокого роста, в зеленом кафтане, с глиняною трубкою во рту, облокотясь на стол, читал гамбургские газеты. Услышав, что кто-то вошел, он поднял голову. "Ба! Ибрагим? – закричал он, вставая с лавки. – Здорово, крестник"*» [12, с. 321]. Так, Пушкин не наделяет Петра ни малейшим царским атрибутом. В этот момент мы так же имеем дело с частным, а не с общеизвестным историческим персонажем. П. Дебрецени отмечает, что Пушкин, вслед за Вальтером Скоттом, стремился к созданию «домашних образов» [9, с. 45] за счет помещения исторических личностей в обыденные жизненные обстоятельства, которые позволяют наделить исторических персонажей человеческими качествами, что в полной мере соответствует принципу публичности. Именно поэтому и Петр, и Екатерина, и Пугачев становятся «домашними персонажами».

Кроме этого, моральные принципы частной сферы позволяют автору распределить роли между позитивными и негативными персонажами. О Дубровском мы судим не по тому, что он со своими крестьянами заживо сжег людей в доме, проявляя большее сочувствие к кошке, чем к сгорающим людям, а по тому, что он является сентиментальным, любящим персонажем, что делает его узнаваемым, «своим героем», действующим согласно ценностям, характерным частной сфере. Петр Гринев способен рисковать жизнью для спасения своей возлюбленной. Владимир из «Барышни-крестьянки» способен пожертвовать благословением отца и собственным благополучием ради любви, так как любовь – высшая ценность в рамках частной сферы, позволяющая создавать союз между двумя свободными людьми, подчиняющимися лишь чувствам.

Данный критерий создает и персонажей, которых мы можем наделить негативными качествами. Негативность Швабрина в «Капитанской дочке» выражается и в том, что он не подчиняется принципам уважения личной свободы Маши и пытается навязать таким образом частной сфере чуждые ей принципы. Владимир Дубровский – положительный герой, так как вопреки сильным чувствам он принимает выбор возлюбленной. В данном случае, именно свобода выбора обладает высшей ценностью. Когда Дубровский говорит ставшей княгиней Маше «*Выходите, вы свободны*» [12, с. 174], ее свобода как раз и заключается в праве самостоятельно решить, выйти к Дубровскому из кареты или остаться с князем, которому она дала клятву. Несмотря на то, что Дубровский и его люди, наводящие страх на помещиков, контролируют ситуацию, аргументы силы и превосходства не играют никакой роли, так как право свободного выбора священно для Дубровского, как и стал священным для него дом ненавистного ему и определенно негативного героя Троекурова. То, что отец Маши навязал ей замужество, и то, что князь Верейский не отказался от ее



руки несмотря на письмо Маши, не позволяет Дубровскому лишить еще раз Машу свободы выбора, так как персонаж Владимира является положительным именно потому, что в отличие от окружающих его негативных героев, уважает волю любимой.

Так, в прозе Пушкина, мы можем без труда определить позитивных героев, действующих в соответствии с принципами буржуазной частной сферы, и персонажей, которые не соблюдают данные принципы, из корыстных соображений либо в силу их принадлежности к старому миру, которому чужды ценности свободы, выбора и гуманности, самопожертвования ради любви.

Швабрин или Троекуров, относящиеся к персонажам, не соответствующим ценностям частной сферы, обладают типичными и не завуалированными чертами негативных героев. Что касается Берестова и Муромского из «Барышни-крестьянки», Валентин Головин также относит их к негативным героям. Несмотря на благополучное окончание «Барышни-крестьянки», Муромский и Берестов были готовы поступиться личным счастьем их детей для заключения выгодного союза. Это обстоятельство указывает на то, что оба персонажа руководствуются принципами старого, предбуржуазного мира, что является негативным качеством. Но, кроме этого, негативность персонажа Берестова Валентин Головин определяет следующим образом: «Следующее предложение дает Берестову новую и оригинальную характеристику: "Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезде поле". Сначала положительный момент – женат на бедной дворянке, второй – безусловно отрицательный: покинул беременную жену, дабы на месяц удалиться на охоту. При таком обороте событий он безусловно был бы осужден. И поскольку в повести фигурирует только один его сын, у читателя возникает справедливая мысль: как можно покинуть жену, ожидающую первенца и, возможно, первого наследника? Охота пуще неволи, но так вести себя дворянину негоже» [7, с. 127]. В данной цитате, наиболее любопытным является утверждение того, что Берестов был бы осужден. А осужден бы он был в соответствии с ценностями буржуазной интимности. Так как брак – это союз двух любящих людей, обладающих свободой выбора, отсутствие мужа в решающий для семьи и в сложный для жены момент подлежит осуждению. То, что его жена – бедная дворянка, выступает в некоторой степени оправдывающим его аргументом, так как относит его к миру, в котором брак заключен не с целью улучшения положения или извлечения выгоды, а вследствие искренних чувств. Это говорит о том, что произведение Пушкина наполнено репрезентациями, которые свойственны буржуазной, пока еще аполитичной,

частной сфере, ценности свободы выбора в которой выражаются лишь в области интимных взаимоотношений. Если бы речь шла об исключительно аристократическом обществе, присутствие при родах наследника не играло бы положительной роли. Здесь же данное отсутствие связано с безразличием, что в соответствии с принципами буржуазной частной сферы может рассматриваться как определенно отрицательное качество.

Так, персонажи Пушкина помещены в пространство хабермасовской частной сферы, будь то реально существующие исторические личности или существующие лишь в пушкинской прозе герои. Репрезентации, свойственные буржуазной частной сфере, задают критерии, согласно которым персонажи рассматриваются как позитивные и негативные.

### **Пушкин в поисках консенсуса между буржуазным и аристократическим мирами**

Ю. Хабермас подчеркивает: «На самом деле, литературная публичная сфера не исключительно буржуазного происхождения; она является продолжением репрезентативной публичной сферы, сложившейся при дворе. Буржуазный авангард, происходящий из просвещенных кругов дворянства, обретает независимость от сферы, в которой доминирует личность монарха. Происходит постепенное отторжение от двора в пользу города, который становится противовесом двора. Так, город начинает играть ключевую роль не только с экономической, но также с культурной и с политической точек зрения» [13, с. 40].

Отторжение от двора в пользу города происходило постепенно. Репрезентации буржуазной частной и публичной литературной сферы переплетены с аристократическими репрезентациями. Что касается Пушкина, данная переплетенность прослеживается и в его политических воззрениях, и в его прозе. В первом случае, ценности свободы не приводят Пушкина к отрицанию монархии. Стоит лишь напомнить позицию Альтшуллера, который подчеркивает, что Пушкин «уповает теперь на монархическую систему и на государя, чья личность служит гарантом системы в целом и чье личное милосердие исправляет недостатки механического выполнения законов. <...> Пушкин отверг идеи Руссо о врожденных высоких моральных качествах "естественной личности", т. е. Дикаря» [2, с. 89–90]. Таким образом, мы можем сделать вывод о некоей «реакционности» Пушкина и о его опасении воспроизведения в России французских событий, приведших к тому, что «народ властвует со всей отвратительной властью демократии» [2, с. 94]. В этой связи не удивительно воспевание Пушкиным Петра I, творца абсолютизма, не имеющего никакого

отношения к демократии. При этом не стоит рассматривать политические воззрения Пушкина современным взглядом. В пушкинское время воспевание свободы и монархии абсолютно непротиворечиво, именно потому, что прогрессивные веяния рождаются в аристократической публичной сфере.

Пушкин, несомненно, принадлежал к последней, что четко прослеживается в его прозе, судя по месту дворянской чести в произведениях Пушкина. В этой связи достаточно интересными, знаковыми, являются концовки пушкинских произведений. Лариса Вольперт отмечает желание Пушкина подарить своим героям «Happy end» [5, с. 271]. Как справедливо подчеркивает автор, «Капитанская дочка» заканчивается на положительных нотах, что характерно и для большей части повестей Белкина. Данный счастливый конец может рассматриваться как попытка Пушкина примирить аристократическую и буржуазную сферы, к которым он одновременно принадлежал, найти консенсус между аристократическими ценностями и репрезентациями буржуазного общества.

Конфликт между Алексеем и его отцом, грозившим лишить его наследства, не состоялся. Оба героя, принадлежавшие к разным мирам, смогли найти общий язык, благодаря чудесному стечению обстоятельств. Петр Гринев не получил благословения родителей, но события, в которые были вовлечены Петр и Маша, присутствие исторических персонажей Пугачева и Екатерины, помогли избежать конфликта. Неожиданная концовка «Метели» разрешила проблемы, без необходимости для героев делать выбор между любовью и традиционными принципами. Концовка «Дубровского», вероятно, преследовала другие цели, о которых мы говорили выше, но она примиряет базовые ценности буржуазной частной сферы и обычаи аристократического общества, пусть даже ценой счастья героев «Дубровского».

Так принадлежность Пушкина к двум мирам позволяет сосуществование их в произведениях автора. При этом, несмотря на то что аристократические ценности находят уютное место в пушкинском повествовании, на наш взгляд, принципы буржуазной честной сферы являются центральными в прозе Пушкина.

В заключение стоит отметить, что проза Пушкина сочетается с хабермасовским подходом. Место Пушкина в русской литературе дает ему возможность к содействию в создании пространства публичности и публичной критики, в том числе, и в отношении общественно-политической тематики. Но при этом подход Хабермаса позволяет нам анализировать взгляды Пушкина и тенденции к автономизации публичного пространства по отношению к власти на более глубоком уровне репрезентаций, формирующихся в частной сфере. Что касается вопроса применимости модели Хабермаса к российскому лите-

ратурному пространству, пользуясь примером прозы Пушкина, статья показывает, что литература не является ни туземным, ни пересадным, ни обладающим национальной исключительностью растением, а развивается в рамках общеевропейских социальных, экономических, политических процессов. Тот факт, что модель Хабермаса применима к творчеству Пушкина, указывает на включенность русской литературы в общеевропейские процессы.

#### Список литературы

1. Алексеев М. П. Пушкин в мировой литературе // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина. Труды пушкинской сессии Академии наук СССР. М., Л.: Академия наук СССР, 1938. С. 175–202.
2. Альтшуллер М. Между двух царей. Пушкин 1824–1836. СПб.: Академический проект, 2003. 351 с.
3. Белькинд В. С. Время и пространство в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Пушкинский сборник. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1977. С. 16–20.
4. Бурсов Б. И. Белинский о реализме Пушкина // Труды Первой и Второй всесоюзных X пушкинских конференций, Москва, Ленинград, 25–27 апреля 1949 г. и 6–8 июня 1950 г. М., Л.: Академия наук СССР, 1952. С. 88–125.
5. Вольперт Л. Ирония в прозе Пушкина и Стендаля («Капитанская дочка» и «Красное и черное») // Лотмановский сборник. 3. М.: ОГИ, 2004. С. 270–280.
6. Гинзбург Л. Я. Работы довоенного времени. СПб.: Петрополис, 2007. 628 с.
7. Головин В. В. «Барышня-крестьянка»: почему Баратынский «ржал и бился» // Русская литература. 2011. № 3. С. 119–135.
8. Гуревич А. В. Декабристы в сибирской ссылке и Пушкин // А. С. Пушкин и Сибирь. М., Иркутск: ВОСТСИБОБЛГИЗ, 1937. С. 27–43.
9. Дебрецени П. Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина. СПб.: Академический проект, 1996. 398 с.
10. Жданова О. В. Общественно-политические взгляды Н. М. Карамзина // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 108–110.
11. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 847 с.
12. Пушкин А. С. Капитанская дочка. М.: АСТ, 2008. 350 с.
13. Habermas J. L'espace public. Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise. Paris: Payot, 1997. 324 p.
14. Mattelart A. Diversité culturelle et mondialisation. Paris: La Découverte, 2005. 122 p.

#### References

1. Alekseev M. P. *Pushkin v mirovoj literature* [Pushkin in world literature] *Sto let so dnja smerti A. S. Pushkina. Trudy pushkinskoj sessii Akademii nauk SSSR* [One hundred years since the death of A.S. Pushkin. Proceedings of the Pushkin session of the USSR Academy of Sciences] Moscow, Leningrad: Akademija nauk SSSR, 1938. Pp. 175–202 (In Russian).
2. Al'tshuller M. *Mezhdv dvuh carej. Pushkin 1824–1836* [Between two kings. Pushkin 1824–1836] St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2003. 351 p. (In Russian).

3. Bel'kind. V. S. *Vremja i prostranstvo v romane A. S. Pushkina «Kapitanskaja dochka»* [Time and space in the novel by Alexander Pushkin "The Captain's Daughter"] *Pushkinskij sbornik* [Pushkin collection] Leningrad: Leningradskij Gosudarstvennyj pedagogičeskij institut im. A. I. Gercena, 1977. Pp. 16–20 (In Russian).
4. Bursov B. I. *Belinskij o realizme Pushkina* [Belinsky about Pushkin's realism] *Trudy Pervoj i Vtoroj vsesojuznyh H pushkinskih konferencij, Moskva, Leningrad, 25–27 aprelja 1949 g. i 6–8 ijunja 1950 g.* [Proceedings of the First and Second All-Union X Pushkin Conferences, Moscow, Leningrad, April 25–27, 1949 and June 6–8, 1950] Moscow, Leningrad: Akademija nauk SSSR, 1952. Pp. 88–125 (In Russian).
5. Volpert L. *Ironija v proze Pushkina i Stendalja («Kapitanskaja dochka» i «Krasnoe i cherno»)* [Irony in the prose of Pushkin and Stendhal ("The Captain's Daughter" and "Red and Black")] *Lotmanovskij sbornik. 3* [Lotmanov collection. 3] Moscow: OGI, 2004. Pp. 270–280 (In Russian).
6. Ginzburg L. Ja. *Raboty dovoennogo vremeni* [Pre-war works] St. Petersburg: Petropolis Publ., 2007. 628 p. (In Russian).
7. Golovin. V. V. *«Baryshnja-krest'janka»: pochemu Baratynskij «rzhal i bilsja»* ["The young lady-peasant": why Baratynsky "whinnied and fought"] *Russkaja literature* [Russian literature] 2011. № 3. Pp. 119–135 (In Russian).
8. Gurevich A. V. *Dekabristy v sibirskoj ssylke i Pushkin* [Decembrists in Siberian exile and Pushkin] *A. S. Pushkin i Sibir'* [A. S. Pushkin and Siberia] Moscow, Irkutsk: VOSTSIBOBLGIZ, 1937. Pp. 27–43 (In Russian).
9. Debreceni P. *Bludnaja doch'. Analiz hudozhestvennoj prozy Pushkina* [The prodigal daughter. Analysis of Pushkin's Fiction] St. Petersburg: Akademicheskie proekt, 1996. 398 p. (In Russian).
10. Zhdanova O. V. *Obshhestvenno-politicheskie vzgljady N. M. Karamzina* [Social and political views of N.M. Karamzin] *Juridicheskaja nauka* [Legal Science] 2012. № 2. Pp. 108–110 (In Russian).
11. Lotman Ju. M. *Pushkin* [Pushkin] St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 1995. 847 p. (In Russian).
12. Pushkin A. S. *Kapitanskaja dochka* [Captain's daughter] Moscow: AST, 2008. 350 p. (In Russian).
13. Habermas J. *L'espace public. Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise.* Paris: Payot, 1997. 324 p. (In French).
14. Mattelart A. *Diversité culturelle et mondialisation.* Paris: La Découverte, 2005. 122 p. (In French).